

УДК 94(47).045

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СУЗДАЛЬСКОГО ПОКРОВСКОГО ДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ С ОККУПАЦИОННЫМИ СИЛАМИ В 1608–1610 И 1611–1612 гг.

© 2017 г.

М.И. Давыдов

Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник, Владимир

mi-davydov@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Рассматривается вся совокупность известных источников, освещающих контакты Суздальского Покровского девичьего монастыря с тушинцами и казаками в периоды нахождения Суздаля под властью интервентов. Делается вывод об осознанном коллаборационизме не только властей обители, но также ее слуг и крестьян. В приложении публикуется текст вновь выявленного источника, свидетельствующего о бытовании подобных форм сотрудничества вплоть до самого конца периода оккупации.

Ключевые слова: Смутное время, польско-литовская интервенция, казачество, воеводская администрация, Суздальский Покровский девичий монастырь, коллаборационизм.

Проблему, вынесенную в заголовок настоящей работы, нам уже приходилось неоднократно затрагивать в контексте изучения отдельных сюжетов из истории Суздаля в первые два десятилетия XVII в. Однако если прежде она всплывала лишь мимоходом, то на сей раз исследование будет всецело посвящено характеристике контактов насельниц, слуг и крестьян Покровской обители с представителями оккупационных властных структур, благо массив сохранившихся источников позволяет это сделать.

Прежде всего напомним, что на кульминационном этапе Смуты Суздальский уезд дважды переходил под контроль незаконных вооруженных формирований. Сначала, с середины октября 1608 г. по начало 1610 г., там почти беспрепятственно хозяйничали тушинцы; из их числа на территории региона наиболее активно себя проявляли «окольничий» Федор Плещеев, атаманы Андрей и Иван Просовецкие и печально известный полковник Александр Лисовский [1, с. 237, 238, 349–355, 393, 414, 416, 472]. Затем, в феврале 1611 г., в городе и его ближайшей округе явочным порядком более чем на год обосновались казаки во главе со все теми же братьями Просовецкими, которые после гибели в декабре 1610 г. Лжедмитрия II на некоторое время (вплоть до момента принесения ими присяги Псковскому вору в марте 1612 г.) даже сумели примкнуть к стану своих недавних противников и сыграть заметную роль в движении Первого ополчения [2, с. 121, 122]; впрочем, последнее обстоятельство все равно никоим образом не легитимизировало их пребывание на территории исследуемого региона.

Рассмотрение обозначенной темы полагаем уместным начать с анализа земельной политики

тушинцев и казаков. И.О. Тюменцев в свое время уже обращал внимание на то, что после перехода Суздаля под власть Лжедмитрия II в помеотно-вотчинную раздачу поступил целый ряд владений, ранее принадлежавших дворцовому ведомству, сородичам и «приверженцам» царя Василия Шуйского [1, с. 353]. Попутно, со ссылкой на соответствующие примеры, исследователь выражал вполне обоснованные сомнения относительно фактической реализации большинства такого рода распоряжений ввиду широкого распространения практики организации интервентами приставств в захваченных ими селениях [1, с. 353, 354].

С наблюдениями И.О. Тюменцева нельзя не согласиться, с той лишь оговоркой, что использованный им термин «приверженцы», который и здесь и выше закавычен отнюдь не случайно, требует уточнения. Как бы парадоксально это ни звучало, Шуйские, являвшиеся крупнейшими землевладельцами Суздальского уезда, в период Смуты отнюдь не располагали сколь-нибудь значимым числом сторонников в среде служилого сословия своего родового региона, а потому практически сразу же после прихода к власти царя Василия были вынуждены, без преувеличения, покупать лояльность тамошних крупнейших духовных корпораций и посадских людей путем подтверждения старых и оформления новых пожалований Спасо-Евфимиеву и Покровскому монастырям и выдачи уставных грамот жителям Суздаля и Шуи [подробнее см.: 3, с. 36–49]. Однако удалось ли монарху заполучить себе новых «приверженцев» с помощью такого рода уступок? Судя по быстротечности и легкости перехода этой части Замосковья под власть Лжедмитрия II осенью 1608 г. [4, с. 197,

198], вряд ли. Да и анализ земельной политики тушинцев в отношении ведущих суздальских обитателей не только не позволяет говорить о конфискации у последних каких-либо владений, но, даже наоборот, показывает заинтересованность (возможно, впрочем, чисто показную) царика и его окружения в укреплении отношений с местной церковной иерархией. Так, подвизавшейся в интересующем нас Покровском монастыре царице-инокине Александре Богдановне, вдове царевича Ивана Ивановича и мнимой тетке самозванца, «племянник» 9 декабря 1608 г. пожаловал сельца Лопатничи и Быково в околородье Суздаля [5, № 15 (с. 208, 209)], а вскоре после 30 сентября 1609 г. Ян Петр Сапега предоставил ее же вотчинам и «служебникам» письменные гарантии безопасности от насилия и поборов, чинимых пахоликами и казаками [6, № 288а (с. 389)] (в тексте публикации второго акта обстоятельства дела ошибочно обозначены «117-м», то есть 1608/09 г., в связи с чем сам документ опять-таки неверно датирован 1608 г., тогда как непосредственно в источнике соответствующее место вполне уверенно читается следующим образом: «писала ты ко мне в нынешнем во 118-м году сентября в 30 день» [7, л. 17]).

Земельная политика казаков была более утилитарной и направленной исключительно на обеспечение себя всем необходимым (деньгами, продовольствием, лошадьми, фуражом и т.п.) за счет населения подведомственных территорий. С этой целью ими, как правило, организовывались своего рода кормления – разделенные по полкам приставства [подробнее о приставствах см.: 8, с. 23, 24]. В частности, в приставство была обращена вотчина Покровского монастыря в пограничной Суздальскому уезду владимирской Талецкой волости [2, № 1 (с. 126); 9, л. 37], а возможно и не она одна, на что глухо намекает озвученный игуменьей Ольгой факт нахождения «в приставстве за черкасы и за казакима (*sic!* – М.Д.)» прямо не названных покровских владений, расположенных не только во Владимирском, но также в Шуйском и Юрьевском уездах [10, л. 21].

Не брезговали оккупанты и заурядными разбоями и грабежами. Так, дворовые постройки непяхотных бобылей подмонастырной Никольской слободы в 1608/09–1609/10 гг. «паны и казаки» частью свезли в качестве стройматериалов в суздальскую крепость и острог, «а иные сожгли»; в 1610/11 г. бобыли возвели было новые «хоромишка», но и их Иван Просовецкий распорядился конфисковать для нужд обороны города [2, № 2 (с. 126)]. Зимой 1611/12 г. «черкасы и казаки, приезжаючи ис Суздаля», дважды

подвергли опустошению уже упоминавшуюся выше Талецкую волость [2, № 1 (с. 126)]. Еще в одном покровском владении – расположенном в ближайшем околородье Суздаля селе Гавриловском – «после войны» (конкретнее – к концу августа 1612 г.) обезлюдели 16 из 54 крестьянских дворов, «а запустели от пансково разоренья, а двory паны розвезли, а тех дворов пустотных хлебов нет ничево, а земли лежат в пусе» [11, л. 52, 52 об.]. Об общем же масштабе ущерба, нанесенного латифундиям обитатели в годы Смуты, можно косвенно судить на основании фискальных документов: так, по состоянию на конец 1612 г. совокупный размер обжитой части монастырской вотчины в Суздальском и Шуйском уездах (данными за этот период с разбивкой по отдельным административным единицам мы не располагаем) равнялся сохе без чети, тогда как всего десятилетием ранее, в 1600–1601 гг., за интересующей нас духовной корпорацией значилось: в Суздале – 3 сохи с полполчетью сохи, в Шуе – соха с полчетью и полполчетью сохи [12, с. 32, 33], что суммарно составляло 4 сохи с четью и полчетью – величину почти в 6 (!) раз большую.

Впрочем, не стоит думать, будто бы столь колоссальный урон монастырю был нанесен одними лишь тушинцами и казаками. На протяжении нескольких лет Суздальский регион являлся ареной кровопролитной борьбы различных противоборствующих партий, так что свою разрушительную «лепту» здесь несомненно сумели внести и представители национально-освободительного движения. Весьма показательно в этом плане выглядит следующее свидетельство о насилиях, чинимых земскими администраторами и отрядами Второго ополчения в отношении покровских крестьян летом 1612 г.: «от посланников и отто (*sic!* – М.Д.) всяких зборщиков продажи и убытки крестьяном великие; и всякие ратные люди, из Ярославля и с Костромы идучи на службу, крестьян ваших бьют и грабят, и подводы емлют безспрестанно, и крестьяня вконец загибли» [13, л. 10]. Безнаказанно себя порой вели и местные дети боярские. В частности, один из них – Степан Волохов – в сентябре 1610 г. вместе со своими людьми и крестьянами совершил разбойное нападение на село Бережок, которое принадлежало уже упоминавшейся нами выше царице-инокине Александре Богдановне [14, № 81 (с. 337)].

Заметим, осуществляя те или иные мероприятия, интервенты подчас руководствовались не столько исключительно своекорыстными, сколько «государственными» интересами, как то, например, было в декабре 1608 г., когда тушинцы привлекали население покровских вот-

чин Суздальского уезда к сыску беглых «старых» и набору новых ямских охотников Владимирского яма [15, с. 29, 30].

Попутно считаем нужным особо подчеркнуть, что взаимодействие оккупантов с населением подвластных им территорий вообще далеко не всегда носило ярко выраженный принудительный характер. Так, в составленной не позднее 1611 г. и адресованной властям Покровской обители отписке слуг Федора Белина, Семена Гневашева и Слоты Грязного буднично, можно сказать, мимоходом сообщается о даче казакам ржи и овса в неназванной монастырской вотчине (полагаем, то было село Ярлыково в Шуйском уезде, где все трое отправителей исполняли обязанности приказчиков чуть позднее, в 1613–1614 гг. [12, № 2 (с. 37, 38); 16, л. 10]): «...слуги, государыни, на дорогу взяли пол-2 чети, а живучи, государыни, стравили четверыми лошадами четь. А казаки, государыни, живучи, стравили осмерыми лошадами 4 чети. Да казаки ж, государыни, в нынешнем приезде взяли ржи 2 чети да овса четь. Да слуги, государыни, живучи, и на дорогу взяли пол-2 чети овса» [17, л. 84]. Еще более примечательно другое известие. После освобождения Суздаля весной 1612 г. силами Второго ополчения земское правительство начало выдавать тамошним служилым людям «Покровского девичья монастыря на служек и на крестуян (*sic!* – *М.Д.*) о суде грамоты, что бу[д]то как те их (*то есть монастырские.* – *М.Д.*) вочины были на приставстве, и те-де их служки и крестьяня, езда с теми черкасы и с казакима (*sic!* – *М.Д.*), грабили»; лишь апеллирование руководства духовной корпорации к авторитету жалованных грамот царей Ивана Васильевича и Федора Ивановича, предписывавших «монастырских служек и крестьян судити во всяких делех на один срок – на Рождество Христово», позволило обители добиться временной приостановки разбирательств по уже поданным против нее искам [10, л. 21, 22]. Вопрос, действительно ли имелись основания для обвинения монастырских людей в пособничестве захватчикам, возможно так бы и повис в воздухе, если бы не иные свидетельства, повествующие о тесных контактах Покровской обители с представителями оккупационной администрации.

В этой связи прежде всего следует обратить внимание на материалы следствия по обвинению в измене Лжедмитрию II дворянина Григория Андреева сына Аргамакова. В апреле 1609 г. воровской суздальский воевода «окольниковый» Федор Кириллович Плещеев предпринял по данному делу повальный обыск среди местных посадских людей, духовенства и лояльных царю светских феодалов Владимирского, Суз-

дальского и Луховского уездов. Вместе с ними допросу тогда были подвергнуты и лица, связанные с Покровским монастырем. Однако, что показательно, в отличие от прочих церковных учреждений, фигурирующих в рассматриваемых документах, оную представляли не одни лишь священнослужители, но также слуги и даже крестьяне ее пригородной вотчины села Сельца [6, № 306 (с. 407, 408), 307 (с. 413)]. Эта явно неслучайная «избирательность» выглядит несколько странно, учитывая, например, полное упоминание в освещающих ход розыска источниках хоть кого-нибудь из членов служилой корпорации владычных детей боярских, общая численность которой, заметим, в начале 90-х гг. XVI в. (то есть задолго до описываемых событий) превышала четыре десятка человек [18, с. 242]. В свете сказанного становится очевидным, что наблюдаемая картина позволяет говорить только об одном – о большей (в сравнении с тем же архиерейским домом) вовлеченности слуг и крестьян Покровского монастыря во взаимоотношения с оккупантами.

Важные сведения о характере такого рода контактов содержит датируемая нами приблизительно апрелем – июнем 1609 г. память из архива названной обители, фиксирующая за обозначенный период в общей сложности 12 денежных и материальных дач тушинцам – по три Александру Лисовскому и Андрею Просовецкому, по две Ивану Просовецкому и пану Друшляку, по одной сопровождавшему последнего старцу Варсонофию Хвостову и пану Суме [19, с. 104, 106, 107]. В отношении четырех эпизодов источник прямо сообщает, что указанные подношения представляли собой выкуп за избавление духовной корпорации от грабежей, притеснений и постоя казаков в кельях. Однако по меньшей мере еще дважды влиятельные инокини – княгини Марфа Татеева и «Еупраксея уделная» (в миру Евдокия Александровна Нагая, первая супруга старицкого князя Владимира Андреевича) – одаривали Александра Лисовского драгоценными чарками, так сказать, в частном порядке, благодаря за успешное разрешение неких проблем, значимых для них лично («от своего дела»). Подобное «кулуарное общение» несомненно в изрядной степени благоприятствовало взаимному притяжению обитателей монастыря и интервентов, достигшему, в конечном счете, столь серьезных масштабов, что оно уже не могло долее оставаться вне поля зрения сторонних наблюдателей. Весьма показательны в этом плане приводимые ниже пассажи из грамоты земского правительства, адресованной покровской игуменье Ольге: «... ведомо нам учинилось, что тебя, великую госпо-

жу, Покровского монастыря старицы ни в чем не слушают, а живут у них по кельям казачьи жены и дети, и племянники, и воровство у них в монастыре чинится великое». Далее документ информировал настоятельницу о посылке из Ярославля Федора Михайловича Зубова, «а велели ему тех казачьих жон и детей, и племянников, у всяких людей сыскав, выбити вон из Суздаля», после чего наказывал ей «учинити в монастыре заказ крепкой, чтоб некоторая старица тех казачьих жон и детей, и племянников у себя не таили. А которые старицы тех казачьих жон и детей, и племянников учнут у себя таити, а после про то сыщется, и тех стариц за то их воровство по совету всее земли сошлют в заточенье» [20, л. 1–3]. Данное сообщение особо примечательно тем, что источник цитаты был составлен 4 мая 1612 г., то есть спустя примерно полтора месяца после окончательного оставления Суздаля казачьими отрядами братьев Провосецких. Вывод здесь напрашивается сам собой: раз уж даже после освобождения города силами Второго ополчения его лидеры выражали обеспокоенность сложившейся ситуацией и предпринимали решительные действия по искоренению в Покровской обители «воровства великого», то можно только догадываться, сколь тесным было ее «сотрудничество» с оккупантами в предшествующее время.

Совокупность представленных выше данных дает основания смело говорить уже не столько о вынужденном, сколько об осознанном коллаборационизме монастырских властей, слуг и крестьян в период пребывания Суздаля в руках тушинцев и казаков. Попутно свое объяснение получают и мотивы осуществления боярином Федором Ивановичем Шереметевым карательной акции в принадлежавшей обители деревне Трофимовой в Курмышском уезде. Информацию об этом инциденте сохранила отписка тамошнего полуграмотного рыбака (?) Степана Сорокина, адресованная игуменье Ольге и келарю Елевферию: «вашь (*sic!* – М.Д.) манастырской (*sic!* – М.Д.) невод и вонною (*sic!* – М.Д.) жег Федор Шелеметев (*sic!* – М.Д.) [21, л. 4]». Точное время составления рассматриваемого документа неизвестно. Присутствующую в нем фразу «в нынешнем в 119-го (*sic!* – М.Д.) августа в 31 день писали естя, государыни, ко мне, сироте своей» [21, л. 4] А.В. Антонов и А.В. Маштафаров поняли буквально и потому отнесли сам источник к 1611 г. [22, с. 331 (№ 444)], тем самым, очевидно, подразумевая, что хронологическая привязка «в нынешнем» ошибочна и ее надо читать как «в прошлом». Однако (здесь мы судим по собственному опыту изучения покровского архива) тогда во внут-

римонастырской переписке проставлялись только месяц и число (и то не всегда), но не год. Посему куда более логичным будет предполагать, что Степан Сорокин в докладе властям обители просто механически соединил имевшуюся в полученном им сообщении дату (31 августа) с текущим на тот момент 7119 г. Следовательно, свой ответ он писал где-то в сентябре 1610 г. Теперь же обратим внимание на следующее обстоятельство. Уничтожить рыболовные снасти в деревне Трофимовой Федор Шереметев мог только в период продвижения низовой рати весной 1609 г. из Чебоксар вверх по Волге на помощь сидевшим в Нижнем Новгороде сторонникам законного правительства, то есть именно тогда, когда сам монастырь, как мы показали выше, уже вовсю налаживал отношения с интервентами. И судя по тому, что воспоминания об этом событии сохраняли значимость даже спустя полтора года, похоже, что масштабы нанесенного войском боярина ущерба были довольно значительны.

Завершая работу, нельзя не задаться вопросом, только ли неблагоприятные внешние обстоятельства толкнули обитель на путь коллаборационизма, или тому также способствовали еще какие-то причины? Думаем, что правильным будет второе, и вот почему. Анализируя в свое время факт наличия в покровском архиве непропорционально большого в сравнении с иными духовными корпорациями количества челобитных, А.В. Антонов и А.В. Маштафаров предположили, что «по-видимому, монастырь выполнял функции своеобразной канцелярии по приему заявлений от местного населения или, говоря иначе, почтового ящика при съезжей избе и центральных приказах» [22, с. 275]. Однако это предположение исследователей нельзя признать полностью верным, поскольку в нашем распоряжении имеется датированная 2–3 мая 1612 г. челобитная Фомы Кутепова, битого Дмитрием Кирилловым сыном Плещеевым в горнице у суздальского воеводы князя Романа Пожарского [14, № 82 (с. 338)]. Согласно другим документам последний являлся непосредственным шефом потерпевшего, а тот при нем служил дьяком [22, с. 332 (№ 454, 455)]. Если следовать логике А.В. Антонова и А.В. Маштафарова, Фоме Кутепову, который получил «производственную травму» практически на рабочем месте, вообще незачем было отправляться в Покровский монастырь за явкой, тем самым невольно затягивая разбирательство собственного дела, ведь свое прошение он мог подать непосредственно воеводе. По нашему же мнению, у описываемой ситуации имелась иная подоплека: обитель действительно занималась

агрегацией жалоб жителей города и уезда, но не в роли «почтового ящика», а как вполне самостоятельное учреждение, не только независимое от власти воеводы, но и, по сути, подменявшее канцелярию последнего по данному направлению деятельности (кстати, дополнительным аргументом в пользу подобной точки зрения является то, что монастырским властям были адресованы почти $\frac{2}{3}$ из примерно сотни явочных челобитных, учтенных в каталоге покровских актов А.В. Антонова и А.В. Маштафарова [22, с. 293 (№ 124, 128), 294 (№ 130, 131, 133) и т.д.]).

Подчеркнем, аналогичными полномочиями духовная корпорация обладала и в период нахождения Суздаля в руках захватчиков. Об этом свидетельствуют следующие материалы, сохранившиеся в покровском архиве: датированная 7 февраля 1609 г. явочная челобитная Василия Третьякова, человека Дмитрия Кирилловича Плещеева, на Степана Секерина и людей Томила Острикова в разбойном нападении на господскую вотчину село Иваньково [23, л. 24, 24а; 22, с. 330 (№ 436)] и издаваемый в приложении к работе извет оброчного крестьянина сыромятника Богдана (на характеристике данного источника мы подробнее остановимся чуть ниже). В свете сказанного становится понятно, что активное сотрудничество Покровской обители с оккупантами помимо субъективных факторов было также обусловлено и объективной причиной, а именно – возложением на нее полномочий посредника во взаимоотношениях местного населения с органами государственной власти.

Напоследок обратимся к анализу содержания публикуемой нами известной челобитной. Она была выявлена нами в одном из делконволютов собрания Суздальского Покровского девичьего монастыря, хранящегося в Государственном архиве Владимирской области [24, л. 24]. Добавим, в подготовленном А.В. Антоновым и А.В. Маштафаровым фундаментальном каталоге ранних актов названной обители [22] рассматриваемый документ не учтен и в настоящей работе вводится в научный оборот впервые.

Нарочитая лапидарность текста источника в его важнейших местах – величание заявителем себя лишь по имени и профессии, опускание «персональных данных» его сына-«изменника», а равно отсутствие привязки обоих фигурантов к конкретному населенному пункту, – все это, на наш взгляд, неоспоримо указывает на проживание жалобщика в подмонастырной Никольской слободе. Обитатели последней по преимуществу занимались обслуживанием повседневных нужд духовной корпорации, тогда как руководство оной наверняка было в курсе происходящего в семьях рабочих людей, и

потому составителю извета сообщение дополнительных деталей дела могло показаться излишним в силу их очевидности.

Хотя челобитная не датирована, время ее создания устанавливается достаточно точно. Присяга подмосковных таборов Лжедмитрию III 2 марта 1612 г., о чем 8 дней спустя владимирский воевода Артемий Измайлов информировал двигавшихся вверх по Волге нижегородцев, привела к окончательному разрыву и прежде хрупкого союза сил Первого и Второго ополчений. Именно с этого момента запись в стрельцы стала считаться в Суздале «воровством». Впрочем, подобное положение вещей продлилось совсем недолго: уже где-то 20–22 числа того же месяца сюда подоспел отряд князя Романа Пожарского и освободил его от сидевших там до толе казачьих формирований [подробнее о хронологии событий см.: 2, с. 122]. Таким образом, составление акта следует относить примерно ко второй декаде марта 1612 г., что в свою очередь наглядно демонстрирует сильную живучесть коллаборационистских настроений среди зависимого населения ближайшей к Покровскому монастырю вотчины даже буквально накануне падения в городе оккупационного режима.

Текст изветной челобитной передается в соответствии с правилами, принятыми издателями «Русского дипломатрия» [25, с. 9].

Приложение

[Ок. 1612 г. марта 10–22]. – Изветная челобитная, на имя Суздальского Покровского монастыря игуменьи Ольги и келаря Фессалоникии, [подмонастырной Никольской слободы] оброчного крестьянина сыромятника Богдана на своего сына в измене и записи в стрельцы.

Государыне игуменьи¹ Олге и государыне келарю Солоникее биет челом и плачетца божия сирота и ваша оброшная крестьянина¹ Богдашко сыромятник.

Бию челом, государыни, вам, своим государем, извещаю на сына на своего на вфорьшку² в том – заворовался, государыни, и стал в стрельцы. И яз, государыни, сирота ваша, не хотя в³ нем погинуть и убьтковь¹ платить, и слыша⁴ ево воровство, и што он стал в стрельцы, и яз, сирота ваша, сослал ево от себя з двора и з женою, и мне, государыни, сироте вашей, до него нонича дела нет.

И вам бь¹, государем нашим, про него было известно и про ево вороство¹. В том яз, государыни, вам, своим государем, извещаю.

Смилутися¹, государыни, пожалуйста!

Государственный архив Владимирской области. Ф. 575. Оп. 1. № 123. Л. 24. Подлинник: 150 × 161.

Примечания

1. Так в ркп.
2. Так в ркп. (ф писана через фиту).
3. Так в ркп.; следовало бы с.
4. Далее зач. выносная г.

Список литературы

1. Тюменцев И.О. Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 1999. 582 с.
2. Давыдов М.И. Челобитные властей Суздальского Покровского монастыря вождам Второго ополчения и социально-политическая борьба в Суздале в 1611 – начале 1612 года // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского Подвига. Нижний Новгород: Изд-во «Кварц», 2012. С. 118–128.
3. Давыдов М.И. Князья Шуйские и суздальское общество накануне и во время Смуты (к вопросу о предпосылках измены 1608–1610 гг.) // Суздаль в истории России. Материалы Всероссийских научно-краеведческих чтений (г. Суздаль, 2 ноября 2012 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2013. С. 35–53.
4. Шепелев И.С. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг. Пятигорск: Пятигорский педагогический институт, 1957. 555 с.
5. Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М.: Наука, 1996. 265 с.
6. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Тексты, переводы, комментарии. Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 688 с.
7. Государственный архив Владимирской области (далее – ГАВО). Ф. 575. Оп. 1. № 58.
8. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М.: Мысль, 1990. 270 с.
9. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 17.
10. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 34.
11. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 197.
12. Давыдов М.И. Новые известия о разорении в Смуту владений Суздальского Покровского девичьего монастыря // Суздаль в истории России. Материалы Всероссийских научно-краеведческих чтений (г. Суздаль, 1 ноября 2013 г.). Владимир: Транзит-ИКС, 2014. С. 31–38.
13. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 165.
14. Маштафаров А.В. Явочные челобитные 1568–1612 гг. из архива Суздальского Покровского девичьего монастыря // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2003. Вып. 9. С. 273–338.
15. Давыдов М.И. Вновь обнаруженное известие о деятельности приверженцев Лжедмитрия II во Владимире // Материалы XVII Межрегиональной краеведческой конференции (20 апреля 2012 г.). Владимир: Владимирская областная научная библиотека им. М. Горького, 2013. Т. I. С. 27–31.
16. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 211.
17. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 95.
18. Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. М. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 456 с.
19. Давыдов М.И. «Явление» преподобной Софии Суздальской Александру Лисовскому в свете новых архивных данных как образчик средневековой исторической фальсификации // Российская государственность: Истоки, современность и перспективы развития: Материалы международной научно-практической конференции. Владимир: Транзит-ИКС, 2011. С. 101–108.
20. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 49.
21. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 18.
22. Антонов А.В., Маштафаров А.В. Об архиве Суздальского Покровского девичьего монастыря XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2004. Вып. 10. С. 272–334.
23. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 113.
24. ГАВО. Ф. 575. Оп. 1. № 123.
25. Антонов А.В., Баранов К.В. Акты XV–XVI вв. из архивов русских монастырей и церквей // Русский дипломатарий. М.: Археографический центр, 1998. Вып. 3. С. 3–44.

**RELATIONSHIP BETWEEN THE THEOTOKOS CONVENT IN SUZDAL AND OCCUPATION FORCES
IN 1608–1610 AND 1611–1612**

M.I. Davydov

The paper considers the whole set of primary sources' data concerning the contacts of the Theotokos Convent in Suzdal with Tushino camp representatives and Cossacks during the period when Suzdal was under the rule of invaders. The author believes that not only the convent's leaders but also its attendants and peasants manifested conscious collaborationism. The appendix to the article contains the text of the newly found document which demonstrates the existence of such forms of collaboration until the end of the occupation period.

Keywords: Time of Troubles, Polish-Lithuanian invasion, Cossacks, voyevoda's administration, Theotokos Convent in Suzdal, collaborationism.

References

1. Tyumencev I.O. Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II. Volgograd: Izd-vo VolGU, 1999. 582 s.
2. Davydov M.I. Chelobitnye vlastej Suzdal'skogo Pokrovskogo monastyrya vozhdym Vtorogo opolcheniya i social'no-politicheskaya bor'ba v Suzdale v 1611 – nachale 1612 goda // Mininskie chteniya: Sbornik nauchnyh trudov po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v. V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo Podviga. Nizhnij Novgorod: Izd-vo «Kvare», 2012. S. 118–128.
3. Davydov M.I. Knyaz'ya Shujskie i suzdal'skoe obshchestvo nakanune i vo vremya Smuty (k voprosu o predposylkah izmeny 1608–1610 gg.) // Suzdal' v istorii Rossii. Materialy Vserossijskih nauchno-kraevedcheskih

- chtenij (g. Suzdal', 2 noyabrya 2012 g.). Vladimir: Tranzit-IKS, 2013. S. 35–53.
4. Shepelev I.S. Osvoboditel'naya i klassovaya bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608–1610 gg. Pyatigorsk: Pyatigorskij pedagogicheskij institut, 1957. 555 s.
5. Kashtanov S.M. Iz istorii russkogo srednevekovogo istochnika (Akty X–XVI vv.). M.: Nauka, 1996. 265 s.
6. Russkij arhiv Yana Sapegi 1608–1611 godov. Teksty, perevody, kommentarii. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANHiGS, 2012. 688 s.
7. Gosudarstvennyj arhiv Vladimirskoj oblasti (dalee – GAVO). F. 575. Op. 1. № 58.
8. Stanislavskij A.L. Grazhdanskaya vojna v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii. M.: Mysl', 1990. 270 s.
9. GAVO. F. 575. Op. 1. № 17.
10. GAVO. F. 575. Op. 1. № 34.
11. GAVO. F. 575. Op. 1. № 197.
12. Davydov M.I. Novye izvestiya o razorenii v Smutu vladenij Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya // Suzdal' v istorii Rossii. Materialy Vserossijskikh nauchno-kraevedcheskikh chtenij (g. Suzdal', 1 noyabrya 2013 g.). Vladimir: Tranzit-IKS, 2014. S. 31–38.
13. GAVO. F. 575. Op. 1. № 165.
14. Mashtafarov A.V. Yavochnye chelobitnye 1568–1612 gg. iz arhiva Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya // Russkij diplomatarij. M.: Drevlekhranilishche, 2003. Vyp. 9. S. 273–338.
15. Davydov M.I. Vnov' obnaruzhennoe izvestie o deyatelnosti priverzhencev Lzhedmitriya II vo Vladimire // Materialy XVII Mezhtregional'noj kraevedcheskoj konferencii (20 aprelya 2012 g.). Vladimir: Vladimirskaya oblastnaya nauchnaya biblioteka im. M. Gor'kogo, 2013. T. I. S. 27–31.
16. GAVO. F. 575. Op. 1. № 211.
17. GAVO. F. 575. Op. 1. № 95.
18. Tsyachnaya kniga 1550 g. i Dvorovaya tetrad' 50-h gg. XVI v. M. – L.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950. 456 s.
19. Davydov M.I. «Yavlenie» prepodobnoj Sofii Suzdal'skoj Aleksandru Lisovskomu v svete novyh arhivnyh dannyh kak obrazchik srednevekovoj istoricheskoy fal'sifikacii // Rossijskaya gosudarstvennost': Istoki, sovremenност' i perspektivy razvitiya: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vladimir: Tranzit-IKS, 2011. S. 101–108.
20. GAVO. F. 575. Op. 1. № 49.
21. GAVO. F. 575. Op. 1. № 18.
22. Antonov A.V., Mashtafarov A.V. Ob arhive Suzdal'skogo Pokrovskogo devich'ego monastyrya XV – nachala XVII veka // Russkij diplomatarij. M.: Drevlekhranilishche, 2004. Vyp. 10. S. 272–334.
23. GAVO. F. 575. Op. 1. № 113.
24. GAVO. F. 575. Op. 1. № 123.
25. Antonov A.V., Baranov K.V. Akty XV–XVI vv. iz arhivov russkikh monastyrej i cerkvej // Russkij diplomatarij. M.: Arheograficheskij centr, 1998. Vyp. 3. S. 3–44.